Международные процессы, Том 16, № 3, сс. 214–224
DOI 10.17994/IT.2018.16.3.54.13

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

КУЛЬТУРА, НАУКА, ДИПЛОМАТИЯ
*ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАКТИКО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ПОДХОДА**

АЛЕКСЕЙ ШЕСТОПАЛ
ВЛАДИМИР КОННОВ
МГИМО МИД России, Москва, Россия

Резюме

В статье рассматриваются основы междисциплинарной культуроцентричной методологии. Выделяются ключевые для данной методологии понятия «культура», «ценность» и «практика» и анализируется их соотношение и взаимосвязанность. Перспективы основанной на них методологии оцениваются с точки зрения её использования в исследованиях национальных культур, науки как культуры особого рода, дипломатического сообщества, которое также может рассматриваться как носитель своеобразной культуры. Оценивается соотношение понятий «культура» и «практика», с одной стороны, и «парадигма», в изначальном куновском понимании – с другой, обосновывается возможность использования последнего за пределами исследований научной деятельности. На предмет расширения поля применения анализируются методологии исследователей, представляющих постпозитивистскую философию науки, – И. Лакатоса, П. Фейерабенда, социологию науки – Н. Гильберта, М. Малкея, социальную психологию науки – А. Митрофа. Три последних автора рассматриваются как пример преодоления проблемы внутренней противоречивости культур. Метод Гильберта и Малкея заключался в разведении в зависимости от контекста применения дискурсивных практик, формирующих различные репертуары. Метод Митрофа – в использовании психоаналитического представления об амбивалентности личности, позволяющего предположить, что каждой принимаемой индивидом норме соответствует противоположная норма, которая позволяет гибко выстраивать поведение в зависимости от ситуации. При этом особенности той или иной культуры заключаются именно в формах, в которых зафиксированы данные нормы и которые позволяют использовать их, несмотря на противоречия, или же, наоборот, делают невозможным такое использование в отношении какой-либо нормы. В статье делается акцент на том, что данные подходы, выработанные преимущественно в пределах философии, социологии и психологии науки, могут быть успешно использованы в исследовании культур других сообществ. В качестве примера возможной сферы приложения этой методологии приводится дипломатическое сообщество, которое с позиций куновской теории может рассматриваться как сообщество «переводчиков», осуществляющих коммуникацию между несоизмеримыми мировоззрениями, для чего необходимо формирование новой «парадигмы».

Ключевые слова:

культурная психология; социальная психология науки; научная культура; психология дипломатии.

* Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда, проект №16-18-10282.

Дата поступления рукописи в редакцию: 17 октября 2017 г.
Дата принятия к публикации: 11 мая 2018 г.

Для связи с авторами / Corresponding author:
Email: vikonnov@yandex.ru

Культура – возможно, самый разнообразно определяемый термин всей гуманитарной науки. Хорошо известна попытка американских антропологов А. Кребера и К. Клакхона составить перечень его дефиниций – в своей книге они собрали 164 таковых [Kroeber, Kluckhohn 1952]. Несмотря на то что современные исследователи охотно используют список, составленный более полувека назад, не менее активно они вводят и новые определения. На проблему полисемии в контексте рассматриваемой категории можно смотреть с двух противоположных точек зрения – считать, что такое количество вкладываемых в понятие «культура» смыслов предельно затрудняет его применение в научных исследованиях, или же рассматривать его как гибкий, легко подгоняемый под конкретные предметы анализа инструмент. Первое мнение ближе сциентистски ориентированным специалистам, тесно связанным с конкретными, институционализированными и теоретически разработанными дисциплинами. Второе – исследователям, работающим главным образом с практическим материалом, чаще склонным характеризовать своё предметное поле как междисциплинарное.

Если попытаться очертить границы того, что в принципе может пониматься как культура, то прорисовывается два критерия. *Во-первых*, этот феномен всегда появляется в привязке к некоторой социальной группе. *Во-вторых*, он рассматривается как что-то приобретённое, биологически не предопределённое. Эти общие границы принимаются большинством исследователей, однако с определением того, что можно включить в поле культуры и как оно структурировано, возникает множество проблем. Наиболее общим понятием, позволяющим охватить разнообразие культурных элементов, выступает «практика». По сути дела, речь идёт об устойчивом образе действия. В самом широком смысле в качестве практик можно описывать и предметную деятельность, нацеленную на внешний мир, и речевые акты, и интеллектуальные операции. Все они могут следовать некоторому образу, характерному для группы, которая выступает носителем той или иной культуры.

Однако сразу же возникает вопрос демаркации – как провести границу между практиками, специфичными для данной культуры, и теми, которые используются её представителями, но распространены и среди других групп. Дать ответ на него можно только на основе схожести – категории, которую чрезвычайно сложно привести к объективным критериям. В исследовании культурных практик схожесть чаще всего описывается как паттерн, иначе говоря, практики некоторой культуры объединяет то, что они следуют общей абстрактной схеме. Это порождает новый вопрос о том, какие образы действия выражают эту ключевую схему в наиболее чистом виде, а это, в свою очередь, приводит к попыткам выстроить иерархию практик.

Наиболее явно выражающие паттерн практики, как правило, относятся к сознательной области психики и описываются как ценности – по сути, это наиболее общие образы ориентации в социальном мире, определяющие координаты желательного и неприемлемого, хорошего и плохого. Предполагается, что именно они задают этические, а также эстетические координаты деятельности и, таким образом, представляют собой ключевые схемы культуры.

Вместе с тем ожидаемо, что подход, предлагающий рассматривать культуру как иерархию ценностей и практик, также сталкивается с рядом проблем. В частности, не существует культур, которые не включали бы в себя противоречащие друг другу ценности и, соответственно, связанные с ними комплексы практик. Одно из решений этого противоречия – разделение культуры на несколько комплексов, в основе каждого из которых лежит ценностный императив, позволяющий решать какой-либо важный вопрос с точки зрения структурирования ожиданий и представлений членов группы. Опираясь на этот подход, исследователь, столкнувшийся с несоответствующими друг другу практиками, получает возможность предположить, что

они просто относятся к разным частям единой культуры. Именно такой подход применяет автор наиболее известного на сегодняшний день кросскультурного подхода Г. Хофстеде [Hofstede 2001]. Однако таким образом невозможно объяснить наличие практик, охватывающих один и тот же круг проблем, но при этом прямо противоречащих друг другу. Для примера: как в одной культуре могут уживаться практики чествования и поощрения «патриотизма» и осуждения и преследования «национализма»? [Epstein 1995]

1

Путь к разрешению этого противоречия предложен в постпозитивистской философии науки. Её ключевые представители, среди которых Т. Кун, И. Лакатос и П. Фейерабенд, заложили теоретический фундамент социокультурного поворота в науковедении, который пришёлся на последние три десятилетия XX века. Его суть заключалась в отказе рассматривать науку как особый вид человеческой деятельности, открывающий подлинное устройство мира, и в переходе к её анализу как комплекса практик, позволяющих получать востребованные в обществе результаты. Суть этого поворота выражается названием журнала международного Общества социальных исследований науки – «Наука как культура».

Сами философы-постпозитивисты вопрос так не ставили, но центральным для их теорий было именно представление о практиках. В частности, под введённой Т. Куном и получившей широчайшее распространение категорией «парадигмы» подразумевается именно практика, которая может быть воспроизведена в различных исследовательских ситуациях и при этом позволяет получать признаваемые обществом результаты. Одновременно она служит тем общим элементом, вокруг которого выстраивается научная дисциплина как сообщество специалистов. В ситуации, когда в сообществе преобладает единственная парадигма, знание о ней становится фоновым, в ней не сомневаются, над ней не размышляют, а применяют как нечто само собой разумеющееся. В центре внимания она оказывается, только когда её начинают оспаривать, как правило, с позиций другой парадигмы [Кун 2003].

Согласно Т. Куну, получалось, что наука развивается как последовательная смена господствующих представлений. Заметную корректировку в эту концепцию внес И. Лакатос, заменивший понятие «парадигма» методологией анализа «научно-исследовательских программ». Специфика его подхода заключалась в признании возможности одновременного сосуществования в пределах одной дисциплины нескольких групп теоретических представлений с разной степенью влияния. Последние обладают внутренней структурой и включают в себя два основных элемента – «ядро», в которое входят нормы, определяющие основные направления развития исследований, и «защитный пояс», состоящий из положений, которые могут пересматриваться, не вызывая изменения сущности теоретического подхода. Прогресс науки, таким образом, осуществляется не столько путём столкновения парадигм, сколько попеременным развитием одних программ и угасанием других [Лакатос 2003].

В свою очередь П. Фейерабенд представлял научный процесс как ещё менее упорядоченный – научные дисциплины или школы возникают как пучок разнообразных практик. Например, мысленные эксперименты, наблюдения через телескоп и использование итальянского языка для философских публикаций обеспечили признание вклада Г. Галилея [Фейерабенд 2007]. В этом пучке каждая из практик служит подкреплением другой, причём иногда просто в силу того, что стоит с ней в одной группе, увеличивая, таким образом, общую массу и влияние теоретического подхода. Пока они держатся вместе, это влияние может расширяться, если же пучок начинает распадаться – оно сокращается.

Хотя речь идёт прежде всего об исследовательских методиках, значение этих образов действия часто выходит за пределы сферы научного познания и приобретает

этическое значение. Подобный результат может порождаться уже тем, что главные практики науки ассоциируют с установленным набором процедур не только потому, что предлагают более лёгкий путь получения искомого результата, но и в связи с претензией на возможность достижения истины. В результате отклонение от них не просто нецелесообразно, но и в некотором смысле аморально.

Подходы постпозитивистов дают ключ к пониманию не только науки как особой культуры, но и к пониманию внутренней структуры любой культуры в принципе. Она всегда представляет собой сеть практик, и чем более разветвлённой она оказывается, чем большее число образов действия представители культуры могут считать «своими», тем сильнее её влияние. При этом некоторые практики могут приобретать приоритетное значение для сохранения культуры в целом и восприниматься как её ядро. Наилучшие шансы занять это место имеют те образы действий, которые применимы к наибольшему числу ситуаций, а значит – наиболее абстрактные по содержанию. Такого рода практиками и выступают ценности, чаще всего подразумевающие способы определить отношение индивида или группы к абстрактным понятиям, например «справедливость», «труд», «рынок». В этой связи они приобретают способность служить «смысложизненными ориентирами» [Силантьева 2014: 236]. При этом внутри одной культуры могут присутствовать различные программы, складывающиеся вокруг различных практик-ценностей. Они способны существовать не пересекаясь, но могут входить и в противоречие друг с другом.

Ситуацию относительно гармоничного соприсутствия различных программ можно проиллюстрировать многофакторными теориями культуры, наиболее известным примером которых выступает модель, предложенная Г. Хофстеде. Исследователь указывал, что любая национальная культура складывается из групп практик, формирующихся вокруг ключевых ценностей, которые определяют отношение к власти, к взаимосвязи индивида и коллектива, к различиям между мужчинами и женщинами и к ситуациям неопределённости (в позднейшей версии модель была расширена, а число факторов доведено с четырёх до шести – добавилось отношение к долгосрочной перспективе и к получению удовольствия) [Hofstede et al. 2010]. Практики, относящиеся к одной из перечисленных групп, представляют собой применимую в установленном контексте интерпретацию главной ценности данного культурного сообщества. В частности, большое внимание к общедоступному среднему образованию может рассматриваться как характерная черта феминных культур, ценящих равенство и между полами, и в других контекстах. В свою очередь, акцент на высококонкурентном высшем образовании свойствен маскулинным культурам, сосредоточенным на идее личного превосходства, распространяющейся как на гендерные, так и на другие общественные отношения. При этом и та, и другая ценностные ориентации могут сосуществовать с восприятием непредсказуемости событий как нормы или же со стремлением достичь контроля над их развитием – ценностями, которые отражают два полюса измерения отношения к неопределённости.

Иная ситуация складывается, когда в культуре образуются прямо противоречащие друг другу практики. Подобные случаи были глубоко проработаны в исследованиях научной деятельности. Проблема внутренней противоречивости научной культуры была детально описана в работе Н. Гильберта и М. Малкея, в которой было показано, что в исследовательском сообществе распространены два дискурса – «эмпиристский», используемый в публикациях и других имеющих формальный статус заявлениях, и «ситуативный», распространённый в неформальном общении учёных [Gilbert, Mulkay 1984]. Первый строится в соответствии с нормами, которые составляют основу этоса науки, – универсализм производимого знания, его принадлежность всему сообществу учёных, бескорыстное отношение к результатам ис-

следований и скептическое восприятие любых новых сведений. В ситуативном же дискурсе находит отражение доминирование прямо противоположных практик – в том числе предпочтение знания, произведённого своей группой (в качестве таковой, как правило, выступает научная школа); острая конкуренция за приоритет, который позволяет получить наибольшую выгоду от результатов.

Если Н. Гильберт и М. Малкей дают детальное описание этого внутреннего несоответствия, то А. Митроф предлагает ему психологическое объяснение. Ключевым для него выступает положение психологии К. Роджерса, согласно которому развитая, устойчивая личность способна к амбивалентному отношению к предметам. Для неё не составляет проблемы изменять установки на противоположные, если того требует ситуация. Таким образом, в рамках воспринятой такой личностью культуры вполне могут уживаться противоречащие друг другу императивы, и в соответствии с этим А. Митроф предлагает систему научных норм, состоящую из 11 пар противоположных требований. Среди них, например, бескорыстное отношение к своей работе, с одной стороны, и предельное внимание к выгоде, которую позволяет получить признанный приоритет, – с другой [Mitroff 1983]. При этом конкретные наборы практик и распределение акцентов между ними могут изменяться в зависимости от специфики национального сообщества, в пределах которой функционирует культура науки. В большей степени такие различия затрагивают социальную сторону научной деятельности: модели её организации [Коннов, Репина 2015], экспертные процедуры [Шестопал, Коннов 2014] и схожие вопросы, – но могут проявляться и непосредственно в содержании исследовательской деятельности [Юревич 2015].

Вместе с тем полностью амбивалентная организация психики предполагает предельно эгоистичную индивидуальность, поведению которой будет препятствовать любая коллективная культура, требующая от человека соблюдения норм и устанавливающая пределы поведенческой гибкости. Под её влиянием у индивида развиваются поведенческие модели, в которых одна сторона норм осознанно принимается в качестве эталонной, а вторая оказывается вытесненной в область запретного. Последняя может охватывать не только индивидуальное бессознательное представителей культуры, но и внутренний, доступный только «своим» дискурс научного сообщества, на который и указывали Н. Гильберт и М. Малкей, характеризуя ситуативный дискурс. То, какие именно контрнормы окажутся вытесненными, определяется историей становления конкретной культуры, а выбор признаваемых норм деятельности обладает национальным своеобразием.

2

Попытка придать этому своеобразию количественное выражение было проведена в работе В.И. Коннова и М.А. Юревича, ставивших задачу определения, какие из пар ценностных утверждений, сформулированных А. Митрофом, открыто принимаются российскими исследователями, какие представляются им неприемлемыми, а какие допускают амбивалентное отношение, применяются ситуативно и не проблематизируются. Таким образом, предполагалось наметить ключевые ценностные паттерны российской научной культуры [Коннов, Юревич 2016]. В ходе проведённого опроса представителям отечественного научного сообщества было предложено заполнить анкету из 22 утверждений – по одному на каждую из норм и контрнорм. Утверждения предлагалось оценить по семибалльной шкале. Базовая гипотеза исследования заключалась в том, что для внутренне непротиворечивого, устойчивого набора ценностных ориентаций характерна обратная корреляция показателей в каждой паре «норма–контрнорма». Такого рода пары можно рассматривать в качестве ключевых для культуры российского научного сообщества. Исследование проводилось среди экспертов Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ); в общей сложности было собрано

260 анкет. Среди согласившихся участвовать в опросе респондентов были специалисты по всем научным специальностям, предусмотренным классификатором РФФИ, одновременно представлявшие широкий спектр российских научных организаций – университеты, институты РАН, ведомственные институты.

Анализ показал, что приоритетное значение для опрошенной группы респондентов имеют нормы свободы исследований и коллективизма, а также контрнорма эмоциональной приверженности. Отношение же к остальным парам носит, скорее, амбивалентный характер. Приверженность норме коллективизма выглядит в целом ожидаемой, соответствуя традиционно отмечаемой ориентации российской национальной культуры. А. Митроф обозначает её как *community* – термин, близкий к использованным Р. Мертоном понятиям *communism* и *communalism*, которые с целью отсечения лишних политических ассоциаций часто переводятся на русский язык как «коллективизм» [Демина 2008].

Суть этой нормы заключается в предписании признавать все научные результаты плодами общего исследовательского труда нынешних и предшествующих поколений учёных и отказе специалистов от претензий на исключительные права на собственные открытия. Данная установка полностью соответствует представлениям о коллективистских культурах, в которых интересы группы превалируют над индивидуальными мотивациями, и именно к этой группе Г. Хофстеде и соавторы относят Россию. По используемой ими шкале «индивидуализм–коллективизм» она явно тяготеет ко второму экстремуму, имея показатель 39 по 120-балльной шкале, на которой 1 соответствует предельно выраженному коллективизму [Hofstede et al. 2010: 96].

В то же время установка на свободу исследовательской деятельности выглядит в соотношении с показателями культурных индикаторов Г. Хофстеде неожиданно. Высокий уровень согласия с нормой, согласно которой «следует оказывать сопротивление любым ограничениям или контролю научных исследований» [Mitroff 1983: 79], явно расходится с 95-балльным показателем России по шкале нетерпимости неопределённости, отражающей «степень, в которой представители культуры расценивают неоднозначные или неизвестные ситуации в качестве угрозы» [Hofstede et al. 2010: 191]. Ему гораздо больше соответствовала бы контрнорма, согласно которой «наука относится к дефицитным национальным ресурсам и как таковая требует тщательного управления и планирования, как и использование любого другого редкого ресурса» [Mitroff 1983: 79]. Однако последняя была встречена респондентами довольно холодно. Это также противоречит ожиданиям, связанным с высоким показателем российской культуры по шкале «дистанции к власти», которому сопутствует восприятие иерархической организации общества как естественного положения вещей.

Объяснить это расхождение можно, предположив, что респондентам свойственно понимание фундаментальной науки, отличное от того, которое находили у западных ученых Р. Мертон, А. Митроф и другие американские исследователи. Если последние связывали её в первую очередь с работами, осуществляемыми исключительно из любознательности и не предлагающими очевидных перспектив практического применения, то российские специалисты по преимуществу считают, что отличие фундаментальных работ от прикладных обусловлено нацеленностью на отдалённое будущее, при том что обе разновидности научных исследований предполагают получение полезных результатов [Балышев и др. 2014]. Такая точка зрения заметным образом расходится с представлениями о любознательности как главном мотиве учёных, который служит идейным основанием потребности в политической автономии научного сообщества. Таким образом, «свобода исследований», получившая высокий уровень одобрения в проведённом опросе, понималась скорее как расширенные полномочия в рамках государственной научной политики, а не как автономия от государства.

В схожем ракурсе можно рассматривать предпочтение «эмоциональной приверженности» над «эмоциональной нейтральностью», которая предписывает учёному бесстрастное отношение к своей деятельности, удерживая под контролем в том числе и свою увлеченность ею (последняя может поставить под сомнение объективность исследователя). Российские специалисты воспринимают увлечение работой скорее как личное принятие коллективных ценностей – исследователь стремится к результату, в первую очередь, потому что он востребован обществом. Преимущества такого состояния расцениваются как более важные, чем возможная угроза объективности.

3

Изучение практик науки – динамично развивающееся в России направление междисциплинарных исследований. Вклад в него вносят представители и философии, и социологии, и психологии, и теории международных отношений. В качестве примеров актуальных публикаций следует упомянуть работы Ю.Л. Качанова, С.С. Ширина, Л.В. Шиповаловой, А.В. Юревича [Качанов 2005; Ширин 2008; Шиповалова 2014; Юревич 2015]. Значимый вклад в межстрановые сопоставления практик исследовательских сообществ внесли представители научной школы МГИМО [Богатуров 2011; Истомин, Байков 2015; Лебедева, Барабанов 2012; Силантьева и др. 2017]. При этом предпринятые в работах Р.Ф. Додельцева и С.А. Кравченко попытки структурировать выявленные практики вывели этих авторов на проблематику культуры [Додельцев 2014; Кравченко 2015].

Представленная выше логика осмысления культуры через практики присутствует не только в науковедческих работах, но также и в исследованиях, посвящённых осмыслению образов действия в современных международных отношениях и в современной дипломатии [Байков 2016; Зонова 2017; Райнхардт 2016; Торкунов, Панов 2017; Adler, Pouliot 2011, Zonova 2007]. Однако, помимо практик, подчинённых решению внешнеполитических задач, которые регулярно попадают в центр внимания научного анализа, можно также выделить и практики, объединяющие международный дипломатический корпус как особое сообщество [Практическая психология 2011]. Ключевой в них становится проблема перевода – в широком теоретическом смысле этого слова.

Этот вопрос занимает далеко не последнее место в работах Т. Куна, который рассматривал его применительно к столкновению научных парадигм. Такого рода коллизии редко завершаются полным поглощением одного исследовательского подхода другим. Каждая из них обладает собственным языком и, более того, гештальтом (особым видением мира). Как и в случае с переводом с одного национального языка на другой, часть специфических достижений невозможно перенести из одной системы в другую. Объединить их содержание можно только путём создания новой, третьей, парадигмы, специально для того, чтобы максимально полно совместить первые две [Kuhn 1977].

Подобный процесс наблюдается и при создании «метанаучных» дисциплин, например истории и философии науки. Их подходы и концепции, как правило, не дают возможности открывать новые законы и закономерности материального мира, однако способны обеспечивать исследовательские результаты, востребованные внутри научного и вузовского сообщества, а в случае перевода в популярную форму – и в более широкой аудитории. Позволяющие создавать такие результаты практики способны сплотить вокруг себя специалистов, которые будут связаны уже иными интересами, нежели те, которые были присущи представителям изначальных парадигм.

В этом смысле любое успешное сообщество «переводчиков» всегда приобретает некоторую степень самостоятельности. Одна из таких групп профессионалов-интерпретаторов – представители дипломатического сообщества. Из этого вовсе не следует, что принадлежность к ней автоматически создаёт противоречия с обязанно-

стями, которые ложатся на дипломата как представителя своей страны. Напротив, овладение практиками, объединяющими дипломатический корпус, обеспечивает ему возможности, необходимые для выполнения служебных функций. Однако целый ряд практик, делающих жизнь дипломата одновременно и более привилегированной – особый правовой статус, внешний вид и окружение, соответствующие представительским целям, участие в закрытых светских мероприятиях, – и более напряженной – особые речевые и поведенческие модели, связанные с протоколом, повышенное внимание со стороны самых разных служб, необходимость постоянной отчётности – всё это делает дипломатическое сообщество группой, связанной специфическими интересами и проблемами, которые сближают дипломатов между собой и одновременно отделяют их от большинства соотечественников. То, как специфические практики и связанные с ними этические нормы сочетаются между собой, заслуживает особого изучения, инструментом которого могут служить подходы, сформированные в рамках исследований науки и культуры.

* * *

Успешность любой исследовательской программы всегда связана с двумя основополагающими предпосылками: чёткостью и убедительностью методологии, с одной стороны, и существованием аудитории, заинтересованной в её результатах, – с другой. Расширению исследований, рассматривающих социальные феномены как подпадающие под понятие культуры, которые можно обозначить как культуроцентричные, может способствовать не столько оригинальность, связанная с использованием подходов, основанных на анализе практик, в изучении новых вопросов, сколько то, что эти подходы позволяют задействовать широкий спектр описательных техник, которые дают возможность облечь в научную форму индивидуальное экспертное знание – это и включённое наблюдение, и дискурс-анализ, и «плотное описание» и ряд других. Для регионоведческих и компаративных исследований, которые всегда были сильной составляющей научной работы отечественных исследований международных отношений, это открывает, несомненно, новые перспективы развития.

Список литературы

Байков А.А. «Золотой стандарт» подготовки международника и эффективность внешней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №1. С. 70–83.

Балышев А.В., Коннов В.И., Харкевич М.В. Ценностные ориентиры экспертов РФФИ: Опыт когнитивного картирования // Социологические исследования. 2014. №4. С. 94–106.

Богатуров А.Д. Понятие экономической политологии и особенности её проблемного поля в России // Полис. 2011. №4. С. 8–19.

Дёмина Н.В. Мертоновская концепция этоса науки: в поисках социальной геометрии норм // Этос науки / Под ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мироской. М.: Academia, 2008. С. 144–165.

Додельцев Р.Ф. Введение в науку о науке: философия, психология и социология познания: В 3 ч. Ч. 3: Культура, познание, личность. М.: МГИМО-Университет, 2014. 208 с.

Зонова Т.В. Дипломатическая специфика межкультурных аспектов коммуникации в условиях глобализации // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации. М.: ООО «Проспект», 2017. С. 170–194.

Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2016. №2. С. 114–140.

Качанов Ю.Л. Истина и политический контекст в научных практиках социологов // Социологические исследования. 2005. № 9. С. 14–22.

Коннов В.И., Репина М.И. Эволюция моделей университетского управления: от «studium generale» до «предпринимательского университета» // Международные процессы. 2015. № 40. С. 35–47.

Коннов В.И., Юревич М.А. Стандартные отклонения: российские учёные в зеркале норм и контрнорм научной деятельности // Вопросы психологии. 2016. № 1. С. 96–109.

Кравченко С.А. Социологическое знание через призму «стрелы времени». М.: МГИМО-Университет, 2015. 344 с.

Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 320 с.
Лакатос И. Методология исследовательских программ. М.: АСТ, 2003. 384 с.
Лебедева М.М., Барабанов О.Н. Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2012. №6. С. 265–269.
Практическая психология для дипломатов / Под ред. Р.Ф. Додельцева. М.: МГИМО-Университет, 2011. 508 с.
Райнхардт Р.О. Экономическая дипломатия ведущих европейских стран. М.: МГИМО-Университет, 2016. 260 с.
Силантьева М.В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. №2. С. 235–239.
Силантьева М.В., Глаголев В.С., Тарасов Б.Н. Философия межкультурной коммуникации // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 2 (49). С. 64–76.
Торкунов А.В., Панов А.Н. (ред.) Дипломатическая служба. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
Фейерабенд П. Против метода. М.: АСТ, 2007. 416 с.
Шестопал А.В., Коннов В.И. Практическая эпистемология: роль рецензирования в организации научной деятельности // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 1. С. 198–207.
Шиповалова Л.В. Научная объективность как проблема субъекта. СПб.: Издательский дом СПбГУ, 2014. 285 с.
Ширин С.С. Внешнеполитические факторы формирования научных представлений об американской культуре в Великобритании и Германии. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. 224 с.
Юревич А.В. Имеет ли наука национальные особенности? // Психологический журнал. 2015. №1. С. 123–132.
Adler E., Pouliot V. International practices // International theory. 2011. Vol. 3. No. 1. P. 1–36.
Epstein M. After the Future: The Paradoxes of Postmodernism & Contemporary Russian Culture. Amherst: University of Massachusetts Press, 1995. 416 p.
Gilbert G., Mulkay M. Opening Pandora's box. Cambridge: Cambridge University Press, 1984. 212 p.
Hofstede G. Culture's Consequences. London: Sage, 2001. 616 p.
Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.
Kroeber A., Kluckhohn C. Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions. Cambridge: Harvard University Printing Office, 1952. 246 p.
Kuhn T. The Essential Tension. Chicago: University of Chicago Press, 1977. 366 p.
Mitroff I. Subjective Side of Science. Seaside: Intersystems Publications, 1983. 329 p.
Zonova T. Diplomatic Cultures: Comparing Russia and the West in Terms of a 'Modern Model of Diplomacy' // The Hague Journal of Diplomacy. 2007. P. 1–23.

CULTURE, SCIENCE, DIPLOMACY

PROSPECTS OF CULTURE-CENTRIC RESEARCH

ALEXEY SHESTOPAL
VLADIMIR KONNOV
MGIMO University, Moscow 119454, Russia

Abstract

In the article, we consider the basis of culture-centric methodology. We examine notions of 'culture', 'value' and 'practice' as the key elements of this methodology and follow their interconnections and mutual determination. The prospects of the methodology based on these notions is evaluated from the point of view of its applicability to investigations of national cultures, science as a special type of culture,

diplomatic community, which can also be considered in possession of a peculiar group culture. We examine the relations of 'culture' and 'practice' on the one hand with 'paradigm' in the initial Kuhnian sense on the other and attempt to lay ground for application of the latter beyond analysis of scientific research. We also consider application in a wider context of postpositivist methodologies of such authors as philosophers I. Lakatos, P. Feuerabend, sociologists N. Gilbert and M. Mulkay, social psychologist I. Mitroff. The concepts of the three latter authors are seen as a solution to the problem of the inner contradictions of cultures. The core of the Gilbert and Mulkay's method is the separation of discourse practices in accordance with their sphere of application and in grouping them in different repertoires. And the basis of Mitroff's method is in psychoanalytic approach to individual ambivalence, which provides ground for recognition of the fact that each norm, adopted by an in individual, is complemented by an opposite norm that allows flexible adaptation to different social situations. Cultures differ not so much in norms themselves as in the forms of expression these norms acquire, which provide for their implementation or in especially expository cases block implementation of an opposite norm. The main thesis of the article is that these approaches, developed in philosophy, sociology and psychology of science can be successfully employed in analysis of cultures of a much wider range of communities than just scientific community. We suggest examination of the diplomatic community as one possible example. Employing the Kuhn's theory it can be characterized as a community of 'translators', providing means of communication between incompatible world-views, in other words, they possess a new paradigm constructed in order to combine previously existing 'incommensurable' ones.

Keywords:

cultural psychology; social psychology of science; research culture; psychology of diplomacy.

References

Adler E., Pouliot V. (2011). International practices. *International theory*. Vol. 3. No. 1. P. 1–36.

Balyshev A.V., Konnov V.I., Kharkevich M.V. (2014). Tsennostnye orientiry ehkspertov RFFI: Opyt kognitivnogo kartirovaniya [Value Orientations of RFBR Reviewers: A Cognitive Mapping Attempt]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 4. P. 94–106.

Baykov A.A. (2016). «Zolotoj standart» podgotovki mezhdunarodnika i jeffektivnost' vneshnej politiki [Golden Standard of Training International Specialists and Efficiency of Foreign Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 1. P. 70–83.

Bogaturov A.D. (2011). Ponyatie jekonomicheskoj politologii i osobennosti ee problemnogo polja v Rossii [Determining Economical Politology and Particulars of its Problem Field in Russia]. *Polis*. No. 4. P. 8–19.

Dodel'cev R.F. (2014). *Vvedenie v nauku o nauke: filosofija, psihologija i sociologija poznanija. V 3 ch. Ch. 3: Kul'tura, poznanie, lichnost'* [Introduction to the Science of Science: Philosophy, Psychology and Sociology of Knowledge. In 3 books. Book 3: Culture, Knowledge and Indetity]. Moscow: MGIMO-Universitet. 208 p.

Dodel'cev R.F. (ed.) (2011). Prakticheskaya psihologiya dlya diplomatov [Practical Psychology for Diplomats]. Moscow: MGIMO-Universitet. 508 p.

Epstein M. (1995). *After the Future: The Paradoxes of Postmodernism & Contemporary Russian Culture*. Amherst: University of Massachusetts Press. 416 p.

Feyerabend P. (2007). *Protiv metoda* [Against Method]. Moscow: AST. 416 p.

Gilbert G., Mulkay M. (1984). *Opening Pandora's box*. Cambridge: Cambridge University Press. 212 p.

Hofstede G. (2001). *Culture's Consequences*. London: Sage. 616 p.

Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. N.Y.: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

Istomin I.A., Baykov A.A. (2015). Sravnitel'nye osobennosti otechestvennykh i zarubezhnylh nauchnykh zhurnalov [Comparative Differences of Russian and Foreign Science Journals]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 2. P. 114–140.

Kachanov Yu.L. (2005). Istina i politicheskij kontekst v nauchnyh praktikah sociologov [Truth and Political Context in Scientific Practices of Socilogy]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. No. 9. P. 14–22.

Konnov V.I., Repina M.I. (2015). Evolyutsiya modelej universitetskogo upravleniya: ot «studium generale» do «predprinimatelskogo universiteta» [Evolution of University Management models: From 'Studium General' to "Entrepreneurial University]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 40. P. 35–47.

Konnov V.I., Yurevich M.A. (2016). Standartnye otkloneniya: rossijskie uchenye v zerkale norm i kontrnorm nauchnoj deyatel'nosti [Standard Deviations: Russian Scientists in the Mirror of norms and counter-norms of science]. *Voprosy psihologii*. No. 1. P. 96–109.

Kravchenko S. A. (2015). *Sotsiologicheskoe znanie cherez prizmu «strely vremeni»* [Sociological Knowledge through the Prism of the Arrow of Time]. Moscow: MGIMO-Universitet. 344 p.

Kroeber A., Kluckhohn C. (1952). *Culture. A Critical Review of Concepts and Definitions.* Cambridge: Harvard University Printing Office. 246 p.

Kuhn T. (1977). *The Essential Tension*. Chicago: University of Chicago Press. 366 p.

Kuhn T. (2003). *Struktura nauchnyh revoljucij* [Structure of Scientific Revolutions]. Moscow: AST. 320 p.

Lakatos I. (2003). *Metodologiya issledovatel'skikh program* [Methodology of Research Programs]. Moscow: AST. 384 p.

Lebedeva M.M., Barabanov O.N. (2012). Global'nye tendentsii razvitiya universitetov i transformatsiya rossijskoj obrazovatel'noj politiki [Global Tendencies of the Development of Universities and Transformation of Russian Research Policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 6. P. 265–269.

Mitroff I. (1983). *Subjective Side of Science*. Seaside: Intersystems Publications. 329 p.

Reinhardt R.O. (2016). *Jekonomicheskaja diplomatija vedushhih evropejskih stran* [Economic Diplomacy of Leading European States]. Moscow: MGIMO-Universitet. 260 p.

Shestopal A.V. Silant'eva M.V. (2015). Kul'turnye granicy v prostranstve sovremennogo universiteta [Cultural Borders within the Space of the Modern University]. *Metamorfozy postkrizisnogo mira: novyj regionalizm i scenarii global'nogo upravlenija. Materialy VIII Konventa RAMI.* Moscow: MGIMO. P. 113–131.

Shestopal A.V., Konnov V.I. (2014). Prakticheskaya epistemologiya: rol' recenzirovaniya v organizatsii nauchnoj deyatel'nosti [Practical Epistemology: Role of Peer Review in the Organization of Research]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. № 1. P. 198–207.

Shipovalova L.V. (2014). *Nauchnaja ob'ektivnost' kak problema sub'ekta* [Scientific Objectivity as a Problem of Subject]. Saint Petersburg: SPbGU. 285 p.

Shirin S.S. (2008). *Vneshnepoliticheskie faktory formirovaniya nauchnykh predstavlenij ob amerikanskoj kul'ture v Velikobritanii i Germanii* [Foreign Policy Factors of Making Scientific Representations of American Culture in UK and Germnay] Saint Petersburg: SPbGU. 224 p.

Silant'eva M.V. (2006). *Problemy logiki i teorii poznaniya v sovremennom gumanitarnom znanii* [Problems of Logic and Theory of Learning in Modern Humanities]. Moscow: MGIMO-Universitet. 48 p.

Silant'eva M.V. (2014). Problema «kul'turnyh granits» v sovremennom mire: tsennostnyj aspekt [Cultural Borders in the Modern World: Values Approach]. *Vestnik MGIMO-Universiteta.* No. 2. P. 205–209.

Silant'eva M.V., Glagolev V.S. (2017). Filosofia mezhkulturnoi komminkatsii [Philosophy of intercultural communication]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 15. No. 2 (49). P. 64–76.

Torkunov A.V. Panov A.N. (ed.) (2017). *Diplomaticheskaya sluzhba* [Diplomatic Service]. Moscow: Aspekt Press. 352 p.

Yurevich A.V. (2015). Imeet li nauka natsional'nye osobennosti? [Does Science have National Traits?]. *Psihologicheskij zhurnal.* No. 1. P. 123–132.

Zonova T. (2007). Diplomatic Cultures: Comparing Russia and the West in Terms of a 'Modern Model of Diplomacy'. *The Hague Journal of Diplomacy.* P. 1–23.

Zonova T.V. (2017). Diplomaticheskaya spetsifika mezhkul'turnykh aspektov kommunikatsii v usloviyah globalizatsii [Diplomatic Peculiarities of Intercultural Aspects of Global Communications]. In *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya v usloviyah globalizatsii*. Moscow: Prospekt. P. 170–194.